

## ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 929.2Романовы + 94(47)“1894/1917”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.6

### Празднование 300-летия Дома Романовых — обновление оснований легитимности монархии

Игорь Львович Андреев<sup>1</sup>, Антон Александрович Святков<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

<sup>1</sup> andreev\_hist@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5592-3379>

<sup>2</sup> aasvyatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4431-5109>

**Аннотация.** Статья посвящена идеологической дискуссии, возникшей в среде государственных чиновников вокруг празднования 300-летия Дома Романовых в процессе его подготовки, в контексте обновления оснований самодержавной власти в новых условиях складывания думской монархии после революции 1905—1907 гг. Выявляются две соперничающие точки зрения по этому вопросу: первая была основана на силе традиций и сакральности, связи с «землей», вторая — на идее «демократического выбора» монарха в 1613 г. Приводятся аргументы сторон в этой дискуссии в рамках работы правительственного Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых. Авторы приходят к выводу о том, что в ходе юбилейных торжеств возобладало компромиссное решение, демонстрировавшее не только сакральные, но и представительские основания для упрочения власти династии Романовых.

**Ключевые слова:** историческая память, Николай II, Земский собор 1613 г., Смутное время, Государственная дума, думская монархия, монархизм, легитимность.

**Для цитирования:** Андреев И. Л., Святков А. А. Празднование 300-летия Дома Романовых — обновление оснований легитимности монархии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 4 (56). С. 93—106. URL: [http://vestospu.ru/archive/2025/articles/56/6\\_56\\_2025.pdf](http://vestospu.ru/archive/2025/articles/56/6_56_2025.pdf). DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.6.

Original article

### Celebrating the 300<sup>th</sup> anniversary of the House of Romanov — renewing the foundations for legitimate monarchy

Igor L. Andreev<sup>1</sup>, Anton A. Svyatov<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Moscow City University, Moscow, Russia

<sup>1</sup> andreev\_hist@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5592-3379>

<sup>2</sup> aasvyatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4431-5109>

© Андреев И. Л., Святков А. А., 2025

**Abstract.** The article is devoted to the ideological discussion that arose among government officials around the celebration of the 300<sup>th</sup> Anniversary of the House of Romanov, in the context of renewing the foundations for autocratic power in the new context of the Duma monarchy's emergence after the 1905—1907 revolution. Two competing perspectives on this issue are identified: the first was based on the power of tradition and sacredness, a connection to the “land”, while the second was based on the idea of a “democratic choice” of the monarch in 1613. Arguments from both sides of this debate are presented as part of the work of the government Committee for Organizing the Celebration of the 300<sup>th</sup> Anniversary of the House of Romanov. The authors conclude that a compromise solution prevailed during the anniversary celebrations, demonstrating not only the sacred but also the representative foundations for strengthening the power of the Romanov dynasty.

**Keywords:** historical memory, Nicholas II, Zemsky Sobor (Assembly of the Land) of 1613, the Time of Troubles, the State Duma, Duma monarchy, monarchism, legitimacy.

**For citation:** Andreev I. L., Svyatov A. A. Celebrating the 300<sup>th</sup> anniversary of the House of Romanov — renewing the foundations for legitimate monarchy. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 4 (56), pp. 93—106. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.56.6>.

## Введение

Российская империя в начале XX века переживала грандиозные трансформации во всех сферах жизни, особенно в общественной. В результате изменений социальной структуры общества, последствий «Великих реформ», перестройки экономики и сопутствующих кризисов, а также роста общественно-политического самосознания произошла революция 1905 г., началось формирование политических партий и организаций, в том числе республиканского толка. Это подтолкнуло власти к изданию Манифеста 17 октября и изменению государственного строя с абсолютной монархии на монархию дуалистическую. Идея народного представительства получила воплощение на общегосударственном уровне в Государственной думе, пусть и в форме компромиссного решения между властью и оппозиционными группами. Новая политическая реальность должна была найти основания для своей легитимности в прошлом, тем более что даже Николай II подчеркивал уникальный национальный характер изменений: «...пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое встанет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам» [26, с. 58].

После спада революционной активности начался поиск сценариев для укрепления основ монархического строя в новых условиях. Он получил самое разнообразное воплощение в общественной и культурной сферах и породил дискуссии о формах политического устройства и их обосновании. Одним из важных способов такой легитимации становились различные юбилейные празднования, актуализирующие успехи и победы России под властью правящей династии [41, с. 568]. Достижения Рюриковичей игнорировались, а короткое правление Годунова вообще порицалось [36, с. 6—7]. Так, после неудачной русско-японской войны широко отмечались 200-летие победы в Северной войне и 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. [19, с. 240].

В последнее время в публикациях о празднованиях начала XX века в Российской империи появился и даже устоялся термин «юбилеямания». Часто за окончанием одной юбилейной кампании следовала другая. Наиболее выдающимся стало празднование 300-летия Дома Романовых в 1913 г., призванное объединить народные массы вокруг династии и монарха [37, с. 141]. Оно соединяло в себе целый ряд знаменательных сюжетов истории России за время правления династии, подводило итог успехам страны, напутствовало, по выражению настоятеля столичного Петропавловского собора П. А. Дернова, на «грядущий четвертый век благословенного царствования Дома Романовых» [34, л. 14].

Историография исследуемой темы имеет ряд особенностей. Прежде всего, можно отметить почти полное отсутствие исследований о праздновании 300-летия Дома Романовых.

вых в советский период, что можно связать со сложностью доступа к соответствующим архивным фондам в то время. Только в 1990-е годы появляются первые отдельные работы по данной теме, например, статья О. В. Немиро «Из истории празднования 300-летия Дома Романовых» [20]. Таким образом, на данный момент не имеется специальной монографии, посвященной юбилею династии, а тем более идеологическим аспектам подготовки и проведения празднования этого события. Наиболее близки к данной теме исследования С. А. Лимановой «Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II» [19] и «Выбор главной даты празднования и разработка основной программы торжеств 300-летия династии Романовых» [17], описывающие общие тенденции празднования памятных событий в Российской империи начала XX в., а также монография Р. С. Уортмана о механизмах государственной репрезентации в Российской империи [41]. Некоторым аспектам празднования, в том числе идеологическим, посвящена статья А. П. Рыжовой [37]. Отдельно следует упомянуть исследования о монархической идеологии последних лет царской России. Среди них назовем монографии А. В. Репникова [27] и А. Я. Авреха [2; 3].

На сегодняшний день в изучении юбилейных торжеств 1913 г. недостаточно четко определены идеологические основания, особенно в контексте актуальных общественно-политических взглядов эпохи думской монархии. Целесообразно проследить связь этих поисков с достижениями исторической науки при изучении Смутного времени, оказавшими большое влияние на общественное сознание. Тем более, что игнорировать общественное мнение в условиях нестабильности верхи уже не могли.

Цель настоящей работы — исследование использования празднования 300-летия Дома Романовых для укрепления авторитета власти.

Задачи исследования: анализ политического и культурного контекста торжеств; выявление направлений деятельности властей в ходе подготовки и празднования юбилея династии; определение взглядов ответственных за празднование лиц; выявление идеологических оснований и смыслов, заложенных в празднование.

Хронологические рамки включают период между принятием министром внутренних дел П. А. Столыпиным решения об официальном праздновании юбилея в 1910 г. и подготовкой отчетов о его проведении в 1916 г. Поскольку в статье рассматривается государственное идеологическое влияние юбилейных торжеств, распространявшееся на всю империю, то территориальными рамками исследования является Российская империя по состоянию на 1913 г.

Основу источниковой базы исследования составил фонд 1320 Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствующего Дома Романовых, хранящийся в Российском государственном историческом архиве, в котором собраны различные материалы о порядке подготовки празднования, выделении средств на него, разработке его программы, в том числе предложения как от членов Комитета, так и от государственных чиновников, общественных и политических организаций (прежде всего монархических), выборных и частных лиц, а также отчеты по проведению юбилейных торжеств. Важным источником были издания Комитета [6; 36] и труды С. Ф. Платонова [7, с. 220—234; 23; 24] как главного историка-исследователя, привлеченного к работе в юбилейных торжествах, посвященные истории Смуты и становлению династии Романовых. Наконец, третьей группой источников явились мемуары и письма современников и задействованных в торжествах лиц [11; 15; 28].

Авторами использованы аксиологический (ценностный), нарративный, историко-генетический и системный методы исследования.

### Результаты исследования

Хотя идея юбилея династии была высказана еще в 1903 г. костромским головой Г. Н. Ботниковым [33, л. 1 об.], активная работа по подготовке празднеств началась только в 1910 г. Так, в марте 1910 г. по предложению председателя Совета Министров П. А. Столыпина был создан Комитет для устройства празднования 300-летия Дома Романовых (далее — Комитет), в состав которого вошли представители ряда министерств и ведомств во главе с автором проекта совещательной Думы, бывшим министром внутренних дел и московским губернатором А. Г. Булыгиным [29, л. 1 об.]. Деятельность Столыпина как идеолога, заслоненная деятельностью политика и реформатора, еще слабо изучена, однако следует понимать, что избрание его председателем правительства преследовало цель «обеспечить сожителство дотоле ничем не стесненного самодержавия с “народным представительством”» [1, с. 16], что нашло воплощение и в юбилее династии.

Современные исследователи часто отмечают заинтересованность власти в своей популяризации через такие торжества как «инструмент насаждения необходимой идеологии и распространения тех или иных идей в широких массах» [42, с. 475] в условиях обострившейся политической борьбы [9, с. 78]. Однако в архиве Комитета практически отсутствуют указания на необходимость укрепления авторитета монархии. Впрочем, представитель МВД в Комитете П. М. Кошкин заявил: «В недавнее же время... замечалось падение патриотизма, и лишь теперь, снова, вслед за внутренней смутой, наблюдается подъем его. Подобному отрадному явлению надо пойти навстречу, создав такие жизненные условия, которые способствовали бы постоянному развитию патриотического настроения. Это и должно явиться достойным ознаменованием юбилея» [31, л. 21].

Представитель Государственного контроля генерал-контролер Департамента гражданской отчетности А. И. Маликов как-то отмечал, что «в последние годы враги русской государственности употребили немалые усилия, чтобы пошатнуть исконные в русском народе любовь и преданность вере православной, Царю и отечеству. В повременных изданиях левого направления и в отдельных брошюрах, не брезгуя передержками, враги эти не останавливались перед извращением исторических фактов, дабы подорвать значение великих деятелей прошлого и славных событий нашей истории» [31, л. 29].

Таким образом, Комитет ставил перед собой задачи празднования, не связанные с актуальными событиями напрямую. Не заявляя целенаправленно о борьбе с революционной пропагандой, власть пыталась решить эти вопросы косвенно. Упор делался на достижения прошлого, на преодоление испытаний, посланных историей Государству Российскому, а не на негативное влияние оппозиции и революционеров на социально-экономические процессы. Это снижало эффективность воздействия юбилея на укрепление имиджа монархии в общественном мнении.

Комитет был учрежден с целью «составления программы празднования... и проведения ее в исполнение» [29, л. 1 об.]. Уже на первом заседании председателем А. Г. Булыгиным были определены задачи его деятельности: «1) разработка предположений о порядке предстоящего празднования трехсотлетия, 2) устройство самого празднования и 3) заключения по различным предположениям общественных учреждений и частных лиц о способах празднования» для придания «предстоящим празднествам более всенародного общественного характера» [31, л. 1 об.].

В рамках первой задачи предполагалось определить: 1) место проведения основных праздничных мероприятий; 2) время основного празднования; 3) необходимость императорской поездки по местам, связанным с избранием Михаила Федоровича царем в 1613 г. [31, л. 3—3 об.].

На втором заседании Комитета 20 ноября 1910 г. продолжилось рассмотрение дел о порядке празднования по существу. Наибольшие прения развернулись по второму вопросу — о времени проведения основных торжеств. Предлагалось 3 варианта, связанных с конкретными историческими событиями 1613 г. в контексте воцарения Михаила Федоровича: 1) день избрания монарха Земским Собором в Москве 21 февраля; 2) день принятия согласия на «царское наречение» Михаилом Федоровичем перед соборным посольством в костромском Ипатьевском монастыре 14 марта; 3) день Венчания Михаила Федоровича на царство в Москве 11 июля [31, л. 8 об. — 9]. Как отмечает А. П. Рыжова, «проблема выбора даты начала торжеств наиболее показательно раскрывает идеологическое содержание юбилея» [37, с. 141].

В консервативной среде эпохи думской монархии стала популярна актуализируемая после отмены крепостного права идея народного представительства как непосредственной связи монархии и народа [43, с. 7] без участия партий, представлявших не широкие массы, а интеллигенцию [13, с. 93—94]. Критике подвергалась высшая бюрократия [39, с. 55—57], мешавшая этой связи как «средостенье» и даже грозившая подменить собой монархию [40, с. 288]. При этом сама идея народного представительства в обновленном самодержавии, по мнению многих публицистов, не отрицалась, ищались формы единения царя и населения [22, с. 178—179], не нравилась форма Государственной думы, закрепленная в Манифесте 17 октября 1905 г. Поэтому для празднования юбилея династии столь важной становилась тема единства династии и народа и поиска оснований для такой связи.

С другой стороны, как отмечает А. В. Репников, над общественной дискуссией долгое время доминировала фигура обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Он «прямо заявил о невозможности (и даже вредности) теоретического оформления самодержавия в России» [27, с. 126] как неподдающегося строгости логического анализа. Только после постепенной сдачи Победоносцевым своих позиций, прямо отрицающих парламентаризм как «великую ложь нашего времени» [25, с. 262], в консервативной среде появилась некоторая свобода обсуждать вопросы обоснования монархической власти и формы государственного устройства [27, с. 127].

Безусловно, на необходимость легитимации монархии повлияла и революция 1905—1907 гг., всколыхнувшая основы строя так, что потребовалось срочное его укрепление. Речь шла об обновлении государственного устройства, а в радикальном своем проявлении — даже о разработке конституции. С этой точки зрения юбилей династии в 1913 г. обретает не только важное культурное и идеологическое значение, но и становится важнейшим мероприятием по поддержке власти. Стала возможна относительно свободная частная инициатива, проявления которой поощряли «в целях их взаимного согласования и объединения, а равно оказания всяческого содействия к осуществлению» [29, л. 1 об.].

Управляющим делами Комитета Н. Н. Граве была подготовлена справка «О времени всероссийского дня празднования 300-летия Царствования Дома Романовых». Отмечалось, что «самодержавная власть Русского Царя никогда не основывалась на договорно-правовом основании. Не имела она и церковного происхождения... она основана сейчас, как и всегда, на ясном сознании всем народом своих верноподданнических чувств, на беззаветной его преданности Престолу и на долгой, укоренившейся, ставшей неотъемлемой частью народной души исторической привычке не отделять никогда священного образа Царя от столь же священного для русского сердца образа родной земли» [30, л. 4]. Таким образом, не только отрицалась концепция Общественного договора (см. также у И. А. Ильина: [12, с. 203]), но и утверждалось, что власть, хотя и носит сакральный характер, но связан он вовсе не с Церковью, а проявляется в близости монарха с «Землей».



Несмотря на то что лозунг уваровской триады официально не отвергался, вопреки распространенному сейчас мнению, в данном документе мы можем видеть совершенно другие, неконфессиональные основания сакральности. Это можно объяснить непосредственной подчиненностью Церкви монарху через Синод, что ограничивало возможности влияния этого социального института на умы. Церковь оказалась забюрократизированной, ее авторитет в конце XIX века падал, и это привело к поискам новых начал единения и изменению религиозной политики в период правления Николая II. Царь должен был пониматься как непосредственно связанный с народом, находящийся с ним в мистическом духовном единстве, выступающий в качестве наставника и защитника его веры.

Концепт «Земли» представляется в этой связи наиболее важным, он был на острие споров в пореформенной России. К работе Комитета был привлечен известный историк С. Ф. Платонов [32, л. 38], над изданиями Комитета, выпущенными в общей сложности более чем миллионным тиражом, работали указанные им историки [32, л. 20], представители его научной школы (прежде всего П. Г. Васенко, Е. Ф. Тураева-Церетели и П. Н. Жукович).

Хотя в письме графу С. Д. Шереметьеву от 4 декабря 1912 г. Платонов отмечает общую пассивность общества перед празднованием, отсутствие инициативы, желание ждать указаний от булыгинского Комитета, он заявляет, что «как профессор русской истории, я глубоко удивляюсь, что до сего дня меня никто не спросил о том, готово ли у меня что-нибудь для такого юбилея, и никто не просил что-либо приготовить для публики» [4, с. 174]. Однако непосредственно во время празднований 17 февраля 1913 г. Платонов и его ученик Васенко были задействованы для чтения публичных лекций для Общества ревнителей истории по темам, доказывающим права Михаила Федоровича на царство [35, л. 2—3]. Так, в докладе Платонова утверждалось, что роль казачества в избрании молодого царя не была определяющей, поскольку этот выбор был единогласно подтвержден городами, к которым были отправлены посланники для подтверждения решений Земского собора 1613 г.: «Посланцы Собора вернулись через две недели и принесли благие вести. Имя народного избранника везде было встречено со слезами радостного умиления... Михаилу Федоровичу подчинились все. Все с полной охотой признали над собой царскую власть» [35, л. 4]. При проведении юбилейных торжеств Платонов отстаивал идею всенародности избранной династии, хотя недостаток времени не мог положительно отразиться на подготовке докладов и изданий.

Роль С. Ф. Платонова в юбилейных торжествах подчеркивает тот факт, что ему доверили прочитать еще один аналогичный доклад об избрании Михаила Федоровича на торжественном соединенном заседании советов высших учебных заведений Петербурга 22 февраля 1913 г. сразу после речи председателя собрания генерал-инженера Н. П. Петрова. Собрание мыслилось как определяющее в сфере высшего образования. Считая результаты Земского собора 1613 г. компромиссом между казаками и дворянством, а также боярскими кланами, историк отмечал, что «счастливое избрание и создало то могущественное государство, которое представляет в настоящее время собранная Русь» [38].

Особенно важно обратиться к трудам С. Ф. Платонова, посвященным Дому Романовых. Так, в специально вышедшей к юбилею коллективной работе «Начало династии Романовых» профессор Платонов пишет особую главу «Вся земля», где рассматривает вопрос об избрании Михаила Федоровича «всей землей», то есть «выборными представителями всего государства» [7, с. 220]. Анализируя состав Земского собора 1613 г., он приходит к выводу о его широком всесословном представительстве в отличие от собора 1598 г., на котором был избран Годунов. Такое противопоставление позволяет сделать вывод о неправомочном пребывании Бориса Годунова на царстве [36, с. 6—7].

С. Ф. Платонов указывал, что Земские соборы не были органами прямой и непосредственной демократии: «...население никого не выбирало от себя на эти соборы. Бывали на соборах выборные “старосты”, “головы”, “сотские”. Но выбираемы они были не на собор, а для целей самоуправления тех общин, которые для себя их “излюбили”, избрали. Государь этих излюбленных людей звал на соборы уже сам, своим произволением», путем «отбора, сделанного из соборного представительства» [7, с. 221]. Таким образом, лучшие представители, выбираемые на местах, в дальнейшем проходили через монарший фильтр, что сближает Земские соборы с некоей системой представительства, отличной от демократии и аристократии.

Собор 1613 г. отличался от прочих отсутствием монарха, которого и следовало избирать, и составом из тех, кто наиболее отличился во времена создания Второго ополчения, когда города заботились о «восстановлении общего, всем необходимого порядка. Для этого городские советы вступали в сношения с другими городскими мирами, желая общеземского согласия и устройства, чтобы “Всею Землею” идти “на очищение” Москвы» [7, с. 224], после чего появился Совет Всея Земли с представителями всех сословий, ставший прообразом Земского собора 1613 г. Отдельно обосновывалась не только идея представительства, но и идея монархии: необходимость обретения «хозяина» «всей землей» «для спасения своей веры и государства... после многих междоусобий» [7, с. 231]. Лучшие люди страны соединились «“всей Землей”, олицетворив идею государства в государе» [7, с. 233]. Сам же Николай II через юбилейные празднования как бы уподоблялся своему далекому предку Михаилу, обновляя связь монарха с массами 1613 г. [14, с. 5].

В то же время, как отмечает Р. Уортман, депутаты Государственной думы с точки зрения царя не были такими «лучшими людьми» [41, с. 674]. Это приводило к размышлениям о реформах. По исследованиям И. В. Омелянчука, многие представители правых даже выступали за восстановление Земского собора вместо Государственной думы [21, с. 271]. А. А. Кружалина связывает урезание полномочий Думы осенью 1913 г. с успехом торжеств, укрепивших авторитет монарха [16, с. 1561]. Как отмечает И. Л. Архипов, «не случайно, что наглость и смелость реакции достигли апогея как раз после праздничных мероприятий в феврале и мае 1913 г., продемонстрировавших, как и замышлялось, будто бы благополучную картину всенародной верности самодержавию... Объединить же усилия правых в Думе и Государственном совете, выработав положение о совещательной думе, должен был А. А. Бобринский» [5], один из членов Комитета. Правда, интриги Бобринского, депутата В. М. Пуришкевича, великого князя Николая Николаевича-младшего и министра внутренних дел Н. А. Маклакова по замене Думы законосовещательным Земским собором, подчиненным монарху, не удались и власти ограничились урезанием прав Думы в области законов, регулирующих церковные порядки [5].

Заметим, что правым импонировала неопределенность полномочий Земского собора, сам факт того, что по избранию первого Романова «вся земля» стремилась сложить с себя несвойственные ей учредительные, законодательные и правительственные функции, столь ярко описанные историками школы Платонова. В этом виделась неразрывная духовная связь народа с монархом, никоим образом не желавшим посягать на prerogatives государя. Эта сторона исследований историков вполне отвечала взглядам членов Комитета и подкрепляла их идеологические выкладки.

Таким образом, перед Комитетом стоял вопрос о конкретном событии, которое наиболее точно выражало бы характер торжеств. Ни одна из дат не умалялась, но путем голосования его членов необходимо было выбрать главную. В действительности, за каждым из событий стояли своя аргументация и замысел.

Кроме символических, рассматривались и практические аспекты празднования [17, с. 7], такие как мартовский ледоход на Волге при отсутствии моста через реку в Костроме. Предстояло понять, когда образ царя «был отождествлен с образом страдавшей родины» [30, л. 4 об.].

Первая дата, 21 февраля, связанная с избранием Михаила Федоровича на царство Земским собором, являлась «первым залогом будущего успокоения страны, первым предвестником наступающего освобождения ее от долгого лихолетья» [30, л. 4]. В качестве аргументации приводился целый ряд доводов: выборные люди из самых разных областей на Земском соборе впервые, забыв свои распри во время Смуты, заявили «что народ всюду с радостью признает Михаила Царем», и не нашлось среди выборных никого, «кто указал бы иного, кроме Михаила Федоровича Романова» [30, л. 4]. Долгая дискуссия о кандидатуре царя [10, с. 232], подробно рассмотренная историками школы Платонова, при этом не упоминалась. Решение Собора было подтверждено собравшимся на Красной площади в этот день народом, который «как один человек, закричал, что хочет в Цари Михаила», и что «за одно имя Его люди были готовы умирать и шли на смерть». Многие исследователи, однако, отмечают определяющую роль казаков в вопросе избрания нового царя [8, с. 6].

Сыграли свою роль в вопросе выбора даты празднеств и другие факторы — 21 февраля 1913 г. приходилось на праздничный день — четверг масленицы. Представитель Главного управления землеустройства и земледелия профессор А. В. Прахов также поддержал этот вариант, поскольку считал, что именно с избрания народом можно считать Дом Романовых призванным на царство [30, л. 5 об.].

Вторая дата, 14 марта — встреча депутации Земского собора в костромском Ипатьевском монастыре и согласие на принятие царского венца Михаилом Федоровичем в присутствии инокини Марфы, благословившей сына Феодоровской иконой. Отмечалось, что событие это не менее важное, поскольку от молодого Романова, вчерашнего подростка, требовалось личное мужество для принятия царствия [30, л. 4]. Эта дата почти сразу была отвергнута Булыгиным как приходящаяся на Великий пост и весеннюю распутицу. Было решено, что императорская семья посетит Кострому летом в рамках поездки, повторяющей путь Михаила Федоровича из Костромы в Москву для венчания на царство [30, л. 5].

Наконец, третья дата, 11 июля, связана с помазанием Михаила Федоровича на царство в Успенском соборе Московского Кремля. «...В тесной неразрывной связи уклада государственной жизни XVII века с православными верованиями... помазание на Царство являлось в народном сознании для данного случая существенно необходимым» [30, л. 4]. С практической точки зрения отмечалась целесообразность устройства празднований летом, а не зимой или в распутицу, при этом представитель МПС А. Н. Столпачков считал, что июль менее удобен из-за сбора хлеба [30, л. 5 об.], хотя речь шла преимущественно о городских празднованиях.

Представитель МВД П. М. Кошкин отмечал, что венчание на царство — это прежде всего религиозный, заимствованный из Византии и частью от Запада обряд, и, хотя он и имеет священное значение, гораздо сильнее такое основание власти, как всенародное избрание [30, л. 5]. Представитель морского ведомства А. Ф. Гейден, напротив, полагал, что церковное обрядовое закрепление важнее народного избрания [30, л. 5 об.]. Его поддерживал представитель Ведомства православного исповедания В. И. Яцкевич, поскольку, по его мнению, важнее, что в глазах народа коронация является священным таинством, в этом священнодействии царь «становится Помазанником Божиим, получившим укрепление и освящение своей власти от самого Бога» [30, л. 5 об.], только после принятия



Божественной Благодати можно было бы говорить, что в сознании народа Михаил стал царем [30, л. 10 об. — 11].

Во время дискуссии слово взял председатель Комитета Булыгин, обозначивший свою позицию в пользу даты 21 февраля. Дальнейшие выступающие соглашались или не соглашались с представлением председателя. В итоге было проведено голосование, на котором большинство (12) голосов (председатель Комитета, делегаты от министерств внутренних дел, финансов, путей сообщения, императорского двора и уделов, торговли и промышленности, иностранных дел, Главного управления землеустройства и земледелия, Государственного контроля, Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии, Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Канцелярии Его Величества по принятию прошений) было подано за дату избрания Михаила Федоровича на царство Земским собором и только 3 голоса — за дату венчания на царство (представители Морского министерства, Министерства юстиции, Ведомства православного исповедания). После утверждения Комитетом даты празднования 21 февраля она была подтверждена и Советом Министров. Только после этого выбор даты был рассмотрен Николаем II [30, л. 6, 13].

Однако и про остальные даты не забыли. В итоге романовские торжества растянулись на несколько месяцев — с февраля по июнь. Затронули они и Кострому. Семья Николая II повторила путь Михаила Федоровича на венчание на царство в Москву, а также путь победоносного Второго Ополчения из Нижнего Новгорода. Это «царское паломничество», встречаемое десятками тысяч крестьян и горожан, куда более наглядно показало единение монархии с народом, чем торжества в элитарном Петербурге.

Таким образом, инициатива о выборе форм празднования юбилея династии, носившего не только государственный, но и семейный характер, исходила от чиновников, а вовсе не от членов династии, лишь подтверждавших разработки чиновников и ограничившихся в основном церемониальным и религиозным участием, хотя дело касалось их общих предков. Даже Николай II во всем следовал рекомендациям Комитета, не внося коррективы в результаты его работы. Только А. А. Бобринский, косвенно имевший отношение к династии, как комитетчик активно участвовал в работе по подготовке юбилейных торжеств.

Празднование 300-летия Дома Романовых обострило дискуссии о форме государственного устройства, о месте монарха и парламента, политических партий. Используя юбилей для поднятия авторитета династии, Николай II, даже несмотря на относительную лояльность четвертой Государственной думы, старался отодвинуть ее от торжеств на вторые роли. По мнению С. А. Лимановой, это свидетельствовало о желании избавиться от посредников между царем и народом [19, с. 298].

Во время столичных празднований делегация Думы была размещена в Казанском соборе после Госсовета и Сената, публичные выступления не предполагались, хотя М. В. Родзянко и произнес речь в нарушение протокола. Председатель Думы выражал неудовольствие таким порядком: «...в 1613 году народ в лице земского собора, а не группа сановников избрала царем Михаила Федоровича Романова» [28, с. 68]. Но в целом его речь во время празднования носила апологетический характер и выражала взгляды умеренной оппозиции. Повторялись почти дословно выражения из Манифеста 17 октября 1905 г. о том, что «благо российского государя было народным благом, печаль его была народной печалью, и русский народ, как триста лет тому назад, так и теперь, благоговейно чтит и беззаветно любит своего царя» [28, с. 70]. Благодаря Николаю II за дарованные свободы (интересно, что здравица царю оканчивалась также и пожеланием радости «всей русской земле»), Родзянко одновременно говорил о демократических устремлениях части

общества, умении распорядиться свободами, подчеркивая роль Государственной думы в политическом процессе: «...могущество родины в тесном единении царя со своим народом, веря в его государственный разум, вы призвали к законодательному строительству людей, избранных от населения» [28, с. 71].

### **Заключение**

Романовские торжества 1913 г. оставили серьезный след в истории и культуре России, ярко отразили бурную противоречивую эпоху. Нашла свое место в них и идеологическая борьба. Изменившиеся условия требовали от власти актуализации оснований своей легитимности, для которых как нельзя лучше подошел юбилей династии, продемонстрировавший серьезный вклад Романовых в выход страны из тяжелых испытаний Смуты и ее достижения в дальнейший период. Вместе с тем победа над революцией 1905 г. носила компромиссный характер: появилась парламентская система думской монархии, образовались политические партии, оформились оппозиция и независимая пресса.

Несмотря на декларируемое привлечение частных инициатив гражданского общества к подготовке юбилея, за его проведение и идеологическое наполнение по-прежнему отвечал бюрократический аппарат, представленный чиновниками министерств и ведомств, составивших Комитет празднования, а также губернаторским корпусом, лишь изредка обращавшийся к таким специалистам, как историк С. Ф. Платонов.

В юбилейном Комитете образовались две конкурирующие концепции празднования торжеств. Первая была основана на традиционном основании легитимности, в котором большая роль отдавалась не столько религиозному обоснованию, сколько особому концепту связи со всем народом через его лучших представителей — «Землю». Вторая базировалась на демократическом основании народного представительства, выбравшего Михаила Федоровича в цари, что перекликалось с идеей вновь созданной Государственной думы. Представители провластных групп при этом явно желали дальнейших реформ представительства, что выражалось в интересе к идее Земского собора. Умеренная оппозиция пыталась представить Думу как прямое продолжение политических традиций представительства, но в новых условиях, для чего стремилась подкрепить свои взгляды примерами из прошлого, столь обильно представленными в работах историков.

Большинство чиновников, назначенных в Комитет, находились под влиянием именно второй идеи и выбрали в качестве главной даты празднования день избрания первого Романова Земским собором. Однако в ходе самих празднований явно перевесили традиционные основания легитимности. Такие колебания показали поверхностность проработки идеи монархии как формы правления в России, даже несмотря на наличие специальных трудов типа «Монархической государственности» Л. А. Тихомирова, что в дальнейшем стало одной из причин краха монархических партий и революции 1917 г. Поэтому празднование, задуманное как символ единения Династии и народа, смогло выполнить свою задачу лишь частично.

### **Список источников**

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. : Политиздат, 1991. 286 с.
2. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума в 1912—1914 годах. М. : Наука, 1981. 296 с.
3. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М. : Наука, 1989. 256 с.
4. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками : в 2 т. Т. 1 : Письма С. Ф. Платонова, 1883—1930 / сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. 388 с.
5. Архипов И. Л. Реакция образца 1913 года: эффектный триумф на пути к «агонии» // Звезда. 2019. № 3. С. 140—169.
6. Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб. : Государственная типография, 1913. 224 с.

7. Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф. Начало династии Романовых : исторические очерки с 12 портретами и рисунками. СПб. : Я. Башмаков и К°, 1912. 248 с.
8. Володихин Д. М. М. Ф. Романов и другие претенденты на русский престол в 1613 году: генеалогия и политика // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых : материалы всерос. конф., Кострома, 2—3 марта 2013 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 5—8.
9. Вортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 году // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). С. 78—103.
10. Гусев Б. Н. Вне конкуренции: история избрания Михаила Романова на царство // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности : материалы конф., Кострома 26—27 марта 2009 г. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 231—236.
11. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1997. 688 с.
12. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи. М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. 464 с.
13. Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // О грядущей России : избр. статьи. М. : Воениздат, 1993. С. 87—107.
14. Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 5—10.
15. Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания : в 2 кн. Кн. 1. М. : Наука, 1992. 447 с.
16. Кружалина А. А. Последний российский самодержец и его подданные: эволюция форм самопрезентации монархии // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 8. С. 1558—1562. DOI: 10.30853/mns210279.
17. Лиманова С. А. Выбор главной даты празднования и разработка основной программы торжеств 300-летия династии Романовых // Царский путь: к 110-летию путешествия императора Николая II по древнерусским городам : материалы науч. конф., 26—27 мая 2023 г. М. : Северный паломник ; Ростов : Ростовский кремль, 2024. С. 7—22.
18. Лиманова С. А. Последний юбилей империи // Родина. 2013. № 12. С. 85—88.
19. Лиманова С. А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М. : Кучково поле, 2017. 360 с.
20. Немиро О. В. Из истории празднования 300-летия Дома Романовых // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. Вып. 5. С. 245—261.
21. Омелянчук И. В. Консервативный лагерь и идея воссоздания Земского собора в начале XX века // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10—11 декабря 2015 г. : сб. науч. статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб. : ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 262—271.
22. Омелянчук И. В. Манифест 17 октября 1905 года в оценках монархистов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 169—187. URL: [http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/12\\_52\\_2024.pdf](http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/12_52_2024.pdf). DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.12.
23. Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе. СПб. : Сенатская типография, 1912. 16 с.
24. Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 68 с.
25. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // Традиция и русская цивилизация. М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2006. С. 260—283.
26. Полное собрание речей императора Николая II. СПб. : Друг народа, 1906. 80 с.
27. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М. : Academia, 2007. 520 с.
28. Родзянко М. В. Крушение империи. Л. : Прибой, 1929. 272 с.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1.
30. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 20.
31. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 30.
32. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 31.
33. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 149В.
34. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 149Д.
35. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 149Е.
36. Россия под скипетром Романовых: очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год / [под ред. П. Н. Жуковича]. СПб. : Комитет для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых, 1912. 320 с.
37. Рыжова А. П. Образование и деятельность «Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствующего Дома Романовых» — выбор идеологического содержания юбилея династии // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах : материалы Всерос. с меж-

дунар. участием науч.-практ. конф., Казань, 22—23 ноября 2019 г. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. С. 140—148.

38. Соединенное заседание советов высших учебных заведений // Русское слово. 1913. № 45. С. 3.

39. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : Алгоритм, 2011. 624 с.

40. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Библиотека сербского креста, 2004. 512 с.

41. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : пер. с англ. : в 2 т. Т. 2. М. : ОГИ, 2004. 796 с.

42. Цимбаев К. Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 475—498.

43. Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900—1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 640 с.

## References

1. Avrekh A. Ya. P. A. *Stolypin i sud'by reform v Rossii* [P. A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 286 p. (In Russian)

2. Avrekh A. Ya. *Tsarizm i IV Duma v 1912—1914 godakh* [Tsarism and the Fourth Duma in 1912—1914]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 296 p. (In Russian)

3. Avrekh A. Ya. *Tsarizm nakanune sverzheniya* [Tsarism on the eve of its overthrow]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 256 p. (In Russian)

4. Akademik S. F. Platonov: *Perepiska s istorikami: v 2 t. T. 1: Pis'ma S. F. Platonova, 1883—1930* [Academician S. F. Platonov: Correspondence with historians. In 2 vols. Vol. 1: Letters of S. F. Platonov, 1883—1930]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 388 p. (In Russian)

5. Arkhipov I. L. Reaktsiya obraztsa 1913 goda: effektivnyi triumf na puti k “agonii” [The 1913 reaction: A spectacular triumph on the road to “agony”]. *Zvezda*, 2019, no. 3, pp. 140—169. (In Russian)

6. Vasenko P. G. *Boyare Romanovy i votsarenie Mikhaila Fedorovicha* [The Romanov boyars and the accession of Mikhail Fyodorovich]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1913. 224 p. (In Russian)

7. Vasenko P. G., Platonov S. F., Turaeva-Tsereteli E. F. *Nachalo dinastii Romanovykh: istoricheskie ocherki s 12 portretami i risunkami* [The beginning of the Romanov dynasty: Historical essays with 12 portraits and drawings]. St. Petersburg, Ya. Bashmakov i Ko Publ., 1912. 248 p. (In Russian)

8. Volodikhin D. M. M. F. Romanov i drugie pretendenty na russkii prestol v 1613 godu: genealogiya i politika [M. F. Romanov and other claimants to the Russian throne in 1613: Genealogy and politics]. *Romanovskie chteniya. 400 let okonchaniya Smuty i votsareniya dinastii Romanovykh: materialy vseros. konf., Kostroma, 2—3 marta 2013 g.* [Romanov Readings. 400 years since the end of the time of troubles and the accession of the Romanov dynasty. Proceed. of the All-Russia conf., Kostroma, March 2—3, 2013]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2013, pp. 5—8. (In Russian)

9. Vortman R. [Wortman R. S.]. Nikolai II i populyarizatsiya ego obraza v 1913 godu [Nicholas II and the popularization of his image in 1913]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 4 (38), pp. 78—103. (In Russian)

10. Gusev B. N. Vne konkurentsii: istoriya izbraniya Mikhaila Romanova na tsarstvo [Beyond competition: The history of Mikhail Romanov's election to the Tsar]. *Romanovskie chteniya. Tsentri i provintsiya v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti: materialy konf., Kostroma 26—27 marta 2009 g.* [Romanov readings. Center and province in the system of Russian statehood. Proceed. of the conf., Kostroma, March 26—27, 2009]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2009, pp. 231—236. (In Russian)

11. Dzhunkovskii V. F. *Vospominaniya. T. 2* [Memories. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo imeni Sabashnikovykh Publ., 1997. 688 p. (In Russian)

12. Il'in I. A. *Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi* [National Russia: Our tasks]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2011. 464 p. (In Russian)

13. Il'in I. A. Pochemu sokrushilsya v Rossii monarkhicheskii stroi? [Why did the monarchical system collapse in Russia?]. O gryadushchei Rossii: izbr. stat'i [On the future of Russia. Selected articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993, pp. 87—107. (In Russian)

14. Karnishin V. Yu. 300-letie doma Romanovykh: za fasadom ofitsial'nogo prazdnovaniya [300<sup>th</sup> anniversary of the Romanov dynasty: behind the façade of official celebrations]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 1 (25), pp. 5—10. (In Russian)

15. Kokovtsov V. N. *Iz moego proshlogo: vospominaniya: v 2 kn. Kn. 1* [From my past: memories. In 2 books. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 447 p. (In Russian)



16. Kruzhalina A. A. Poslednii rossiiskii samodержets i ego poddannye: evolyutsiya form samoprezentatsii monarkhii [Last monarch of Russia and his subjects: Evolution of monarchy self-presentation]. *Manuskript*, 2021, vol. 14, is. 8, pp. 1558—1562. DOI: 10.30853/mns210279. (In Russian)
17. Limanova S. A. Vybory glavnoi daty prazdnovaniya i razrabotka osnovnoi programmy torzhestv 300-letiya dinastii Romanovykh [Selecting the main date for the celebration and developing the main program for the 300<sup>th</sup> Anniversary of the Romanov dynasty]. *Tsarskii put': k 110-letiyu puteshestviya imperatora Nikolaya II po drevnerusskim gorodam: materialy nauch. konf., 26—27 maya 2023 g.* [The Tsar's path: Toward the 110<sup>th</sup> Anniversary of emperor Nicholas II's journey through ancient Russian cities. Proceed. of the sci. conf., May 26—27, 2023]. Moscow, Severnyi palomnik Publ.; Rostov, Rostovskii kreml' Publ., 2024, pp. 7—22. (In Russian)
18. Limanova S. A. Poslednii yubilei imperii [The last anniversary of the Empire]. *Rodina*, 2013, no. 12, pp. 85—88. (In Russian)
19. Limanova S. A. *Stolichnye torzhestva Rossiiskoi imperii v tsarstvovanie Nikolaya II* [Capital celebrations of the Russian empire during the reign of Nicholas II]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017. 360 p. (In Russian)
20. Nemiro O. V. Iz istorii prazdnovaniya 300-letiya Doma Romanovykh [From the history of the celebration of the 300<sup>th</sup> Anniversary of the House of Romanov]. *Voprosy otechestvennogo i zarubezhnogo iskusstva* [Issues of domestic and foreign art]. St. Petersburg, S.-Peterburgskii un-t Publ., 1996, is. 5, pp. 245—261. (In Russian)
21. Omel'yanchuk I. V. Konservativnyi lager' i ideya vossozdaniya Zemskogo sobora v nachale XX veka [The Conservative camp and the idea of recreating the Zemsky Sobor at the beginning of the 20<sup>th</sup> century]. *Tavrisheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, S.-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 10—11 dekabrya 2015 g.: sb. nauch. statei* [Tauride Readings 2015. Current issues of parliamentarism. History and modernity. Internat. sci. conf., St. Petersburg, Tauride Palace, Dec. 10—11, 2015. Collect. of sci. art.]. St. Petersburg, ElekSis Publ., 2016, part. 1, pp. 262—271. (In Russian)
22. Omel'yanchuk I. V. Manifest 17 oktyabrya 1905 goda v otsenkakh monarkhistov [Manifesto of October 17, 1905 in the assessments of monarchists]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 169—187. Available at: [http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/12\\_52\\_2024.pdf](http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/12_52_2024.pdf). DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.12. (In Russian)
23. Platonov S. F. *Vopros ob izbranii M. F. Romanova v russkoi istoricheskoi literature* [The question of M. F. Romanov's election in Russian historical literature]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1912. 16 p. (In Russian)
24. Platonov S. F. *K istorii moskovskikh zemskikh soborov* [On the history of the Moscow Zemsky sobors]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova Publ., 1905. 68 p. (In Russian)
25. Pobedonostsev K. P. Velikaya lozh' nashego vremeni [The great lie of our time]. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Tradition and Russian civilization]. Moscow, Astrel', AST, Tranzitkniga Publ., 2006, pp. 260—283. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie rechei imperatora Nikolaya II* [Complete Speeches of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg, Drug naroda Publ., 1906. 80 p. (In Russian)
27. Repnikov A. V. *Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii* [Conservative concepts for the reorganization of Russia]. Moscow, Academia Publ., 2007. 520 p. (In Russian)
28. Rodzyanko M. V. *Krushenie imperii* [The collapse of the Empire]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 272 p. (In Russian)
29. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 1320. Op. 1. D. 1.
30. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 20.
31. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 30.
32. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 31.
33. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 149V.
34. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 149D.
35. RGIA. F. 1320. Op. 1. D. 149E.
36. *Rossiya pod skipetrom Romanovykh: ocherki iz russkoi istorii za vremya s 1613 po 1913 god* [Russia under the scepter of the Romanovs: Essays on Russian history from 1613 to 1913]. St. Petersburg, Komitet dlya ustroistva prazdnovaniya trekhstletiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh Publ., 1912. 320 p. (In Russian)
37. Ryzhova A. P. Obrazovanie i deyatelnost' "Komiteta dlya ustroistva prazdnovaniya trekhstletiya tsarstvuyushchego Doma Romanovykh" — vybor ideologicheskogo soderzhaniya yubileya dinastii [The formation and activities of the "Committee for the Celebration of the Tercentenary of the Reigning House of Romanov" — the choice of ideological content for the dynasty's anniversary]. *"Proshloe": teoriya i praktika (de) konstruirovaniya v nauchnom i politicheskom diskursakh: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf., Kazan', 22—23 noyabrya 2019 g.* ["The Past": Theory and practice of (de)construction in scientific and

political discourses. Proceed. of the All-Russia sci. and pract. conf. with Internat. participation, Kazan, Nov. 22—23, 2019]. Kazan, “Poznanie” Kazanskogo innovatsionnogo universiteta Publ., 2019, pp. 140—148. (In Russian)

38. Soedinennoe zasedanie sovetov vysshikh uchebnykh zavedenii [Joint meeting of councils of higher education institutions]. *Russkoe slovo*, 1913, no. 45, pp. 3. (In Russian)

39. Solonevich I. L. *Narodnaya monarkhiya* [People’s monarchy]. Moscow, Algoritm Publ., 2011. 624 p. (In Russian)

40. Tikhomirov L. A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost’* [Monarchical statehood]. Moscow, Biblioteka serbskogo kresta Publ., 2004. 512 p. (In Russian)

41. Uortman R. S. [Wortman R. S.]. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii: per. s angl.: v 2 t. T. 2* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Transl. from English. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, OGI Publ., 2004. 796 p. (In Russian)

42. Tsimbaev K. N. *Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol’zovaniya istoricheskikh yubileev v politicheskikh tselyakh* [Reconstructing the past and constructing the future in 19<sup>th</sup>-century Russia: Using historical anniversaries for political purposes]. *Istoricheskaya kul’tura imperatorskoi Rossii: formirovaniye predstavlenii o proshlom* [The historical culture of Imperial Russia. Formation of ideas about the past]. Moscow, Izdat. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2012, pp. 475—498. (In Russian)

43. Stepanov A. D., Ivanov A. A. (comp.). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya. 1900—1917* [The Black hundreds. Historical encyclopedia. 1900—1917]. Moscow, In-t russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 640 p. (In Russian)

#### Информация об авторах

**И. Л. Андреев** — кандидат исторических наук, профессор

**А. А. Святлов** — аспирант

#### Information about the authors

**I. L. Andreev** — Candidate of Historical Sciences, Professor

**A. A. Svyatlov** — Postgraduate Student

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025;  
принята к публикации 20.11.2025

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 14.10.2025;  
accepted for publication 20.11.2025